

Ю. Е. КОНДАКОВ

Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825)

<Фрагменты>

<...> В первые годы царствования Александра I мало интересовали дела духовного ведомства. Однако, по российскому законодательству, являясь главой православной церкви, царь не мог уклониться от решения церковных проблем. Реформы Петра I учреждением Святейшего Синода поставили православную церковь в подчиненное к государству положение. Обер-прокурор Св. Синода должен был осуществлять правительственный контроль над деятельностью духовного ведомства. В течение всего XVIII века шла борьба за влияние на церковные дела между обер-прокурором и священнослужителями, заседавшими в Св. Синоде. В царствование Павла особое его расположение сыскал глава Св. Синода митрополит Амвросий (Победов)¹, благодаря чему последний легко взял верх над обер-прокурором кн. В. А. Хованским², пытавшимся ввести в Св. Синоде строгие порядки. Князь для еженедельных рапортов императору приказал подавать ему доклады о каждом заседании Св. Синода со списком присутствующих членов и с отметкой о приходе и уходе каждого. Из епархий ежемесячно запрашивались сведения обо всех непорядках, там происходящих. В. А. Хованский предложил Св. Синоду запретить самовольный проезд духовных лиц с жалобами. Попытка обер-прокурора установить контроль над финансовыми делами духовного ведомства стали причиной жалобы митрополита Амвросия императору. В 1799 году кн. В. А. Хованский был смещен, а духовенству было даровано право самим избрать ему приемника. 10 мая 1799 года был назначен желаемый Св. Синодом граф Д. И. Хвостов, который в своей деятельности не вмешивался в дела духовного ведомства. Александра I совершенно не устраивало такое положение дел. 1 января 1803 года на должность обер-прокурора был назначен переведенный из департамента иностранных дел д. ст. сов. А. А. Яковлев³.

Он энергично взялся за приведение исполняемой им должности к смыслу, заложенному в нее Петром I. За короткий период времени было сделано очень много. По докладу А. А. Яковлева, император предоставил ему широкие права по контролю над хозяйственной деятельностью Св. Синода (данная функция обер-прокурора в предыдущие царствования оказалась утерянной). В ответ на это представители высшего духовенства попытались купить лояльность А. А. Яковлева щедрыми посулами, о чем последний немедленно доложил царю. Обер-прокурор потребовал от Св. Синода возвращения остатков средств, ежегодно отпускаемых на его нужды, до этого никогда в казну не возвращавшихся. А. А. Яковлев добился того, что ему была возвращена прерогатива сноситься с другими ведомствами от имени Св. Синода. Его попытка издать Духовный регламент на русском языке и последующее предложение о переводе Святого Писания положили предел терпению духовенства. В результате, оппозиция, в которой главную роль играли митрополит Амвросий, митрополит ярославский Павел и обер-секретарь Пукалов, вынудила императора предложить обер-прокурору выйти в отставку. 7 октября 1803 года прошение А. А. Яковлева было удовлетворено. Александр I был заинтересован подчинить Св. Синод эффективному государственному контролю, и вместе с тем ему досаждали постоянные жалобы духовенства. Император решил назначить на пост обер-прокурора Св. Синода фигуру, пользующуюся полным его доверием и недоступную для интриг. 21 октября 1803 года новым обер-прокурором Св. Синода стал князь Александр Николаевич Голицын, вполне отвечавший требованиям Александра I. Е. А. Вишленкова в своем исследовании высказывает предположение, что инициатива назначения на новую должность исходила непосредственно от А. Н. Голицына, недовольного тем, что он оказался под началом Н. Н. Новосильцева. В любом случае, при дефиците кадров первых лет царствования императору было бы сложно найти другую кандидатуру на этот пост.

Князь А. Н. Голицын родился 8 декабря 1773 года в семье отставного гвардейского капитана Николая Сергеевича. Его мать, рано овдовевшая и вступившая во второй брак с отставным гвардейским капитаном Кологривовым, отправила сына в Петербург к М. С. Перекусихиной⁴, которая поместила его за царский счет в Пажеский корпус. Представленный Екатерине II, А. Н. Голицын пришелся ей по нраву и по воскресеньям допускался играть с великими князьями Александром и Константином. По окончании обучения в 1794 году он был определен поручиком в Преображенский полк. Однако, не пожелав военной карьеры, был назначен в штат Александра Павловича со званием камер-юнкера. Павел Петрович благоволил

к А. Н. Голицыну и пожаловал его командором Мальтийского Ордена. Но позднее, вместе с Александром Павловичем попав в опалу, князь был выслан в Москву. В период ссылки А. Н. Голицын состоял в переписке с Александром Павловичем и посещал митрополита Платона. Князь пользовался репутацией вольтерьянца и был известен веселым нравом; ходили анекдоты о его умении подражать различным голосам, в том числе пародировать лиц духовного звания. По воцарении Александра I он был вызван в Петербург и назначен в Сенат за обер-прокурорский стол. На новой должности А. Н. Голицын был активен и даже заменял обер-прокурора во время его недолгого отсутствия. След этой деятельности виден в письме Ф. В. Растопчина к Д. И. Цицианову⁵ от 3 сентября 1803 года: «Маленький буфа Голицын играет большую роль в Сенате и возвратил одну бумагу просителю по той причине, что в ней много погрешностей против грамматики».

Деятельность А. Н. Голицына как руководителя духовного ведомства до сих пор не получила должной оценки, хотя исследовалась в ряде общих и специальных работ: Т. В. Барсова⁶, Ф. В. Благовидова⁷, Е. П. Карновича⁸, Н. С. Стеллецкого⁹, И. А. Чистовича¹⁰. Между тем эта личность оставила заметный след в духовной жизни русского общества того времени. А. Н. Голицын стоял у руководства духовным ведомством с 1803 по 1824 год, из них 14 лет был обер-прокурором Св. Синода. До него ни один чиновник не смог столько времени продержаться на этой должности. При этом, несмотря на многие удары, наносимые под его руководством православной церкви, до самой его отставки на князя не поступало жалоб царю. А. Н. Голицын был одним из самых удачливых чиновников эпохи. Он пользовался благосклонностью четырех царей и участвовал в воспитании будущего императора Александра II. Александр I и Николай I считали А. Н. Голицына личным другом. О блистательной карьере князя свидетельствуют награды, которыми он был удостоен при трех императорах: 8 января 1799 года пожалован командором ордена Иоанна Иерусалимского; 22 сентября 1803 года пожалован орденом Св. Владимира 3 степени; 22 июля 1804 года пожалован орденом Св. Анны 1 степени; 26 июня 1808 года пожалован орденом Св. Владимира 2 степени; 30 августа 1814 года пожалован орденом Св. Александра Невского; 25 июня 1826 года пожалован орденами Св. Владимира 1 степени и Андрея Первозванного; 22 августа 1828 года пожалован знаком отличия за безупречную тридцатилетнюю службу. 5 декабря награжден алмазными знаками ордена Андрея Первозванного; 6 декабря 1831 года пожалован орденами Белого Орла и Св. Станислава 1 степени; 22 августа 1832 года пожалован знаком отличия за 35 лет безупречной службы; 21 августа 1834 года пожалован портретом Николая I, украшенным

бриллиантами для ношения на шее; 1842 год пожалован орденом Черного Орла Пруссии.

Уже в 1804 году, согласно сообщениям посланников европейских дворов в России, князь был любимцем императора: «Первое место между этими любимцами занимал камергер князь Александр Голицын. Император удостаивает его своими милостями с тех пор, как он появился при дворе в качестве камер-юнкера. Его веселый и сатирический характер, редкая способность к подражанию и светский ум, соединенный с другими качествами, делающими его общество приятным, заслужил расположение государя, которым он пользовался предпочтительно перед всеми». По своему влиянию на государственные дела А. Н. Голицын может быть сравним лишь с А. А. Аракчеевым, между этими двумя политическими деятелями несомненно существовало соперничество. Оно проявлялось в различных сферах. Например, вслед за получением А. А. Аракчеевым разрешения на строительство Георгиевского храма в Грузино А. Н. Голицын испрашивает привилегию открыть домовую церковь. В бытность Александра Павловича наследником престола А. А. Аракчеев выпросил у него рубашку и весьма гордился этим подарком; А. Н. Голицын позднее также получает рубашку, уже Николая Павловича, и впоследствии просит себя в ней похоронить. Борясь со своим соперником по различным вопросам государственной деятельности, А. А. Аракчеев был бессилен что-то изменить в личных отношениях князя с Александром I, которых, кроме давней дружбы, связывало совместное участия в амурных делах. В том же сообщении посланника значилось: «Князь Голицын бывает всегда в числе лиц, собирающихся по вечерам у императора и его августейшей супруги, и часто сопровождал государя в его утренних прогулках; говорят, что, пользуясь доверием его величества, он участвует в некоторых его удовольствиях, что не особенно соответствовало его должности прокурора в Синоде». Воспоминания современников рисуют личность князя в самом выгодном свете — его подчиненный Н. Н. фон Геце писал: «Князь Голицын был любезнейшим и добрейшим начальником, какого можно пожелать себе. В образе мыслей его не было ничего мелочного и никаких причуд за ним не водилось. Он сносил противоречия, к чему не все министры способны. Даровитый по природе и приобретший опытность в делах, он держался верных государственных понятий, коль скоро не вводили его в заблуждение. Он умел говорить прекрасно. Серый фрак был постоянным его одеянием, и он носил его до глубокой старости. Никогда не слыхал я от него обидного слова, видел на лице его, что он был недоволен мной». Митрополит московский св. Филарет в письме по поводу смерти А. Н. Голицына писал: «Ныне утром еще

думал я о нынешнем дне, как о дне рождения человека, которого воспоминание всегда утешало меня, как воспоминание души благочестивой, любезной, в продолжение тридцати лет мне открытой и как воспоминание столь же многолетнего мне благодетеля; через час позже полудня узнаю, что он уже окончательно родился в другую высшую жизнь». Князь, подобно многим Голицыным, носил прозвище, его звали «серый мужик» по цвету любимого фрака.

В конце жизни А. Н. Голицын вспоминал, что, убеждая его принять должность, император говорил: «Мне хотелось, чтобы преданный мне и мой, так сказать, человек занимал эту важную должность, ты будешь иметь дело непосредственно со мной, потому что вместе с сим я назначаю тебя моим статс-секретарем». В составе Св. Синода в это время состояли: Амвросий, митрополит новгородский и петербургский, Павел¹¹, архиепископ ярославский, Ириний¹², архиепископ псковский, Варлаам¹³, архиепископ грузинский, императорский духовник Исидор¹⁴, протопресвитер Благовещенский, обер-священник Павел Озерецкий¹⁵. А. С. Стурдза так описывал в своих воспоминаниях обстоятельства вступления А. Н. Голицына в должность: «Из камер-пажей Екатерины и камергеров Павла Голицын был вдруг возведен в обер-прокуроры Синода, не зная сам, как довелось ему войти в святилище и заветную область христианских идей. Несмотря на жалкие недостатки светского образования, на скудость познаний и прежнюю крайне рассеянную жизнь, Голицын, по какому-то чувству приличия, остепенился, принялся за труд, отказался от суетных забав, начал обуздывать колкость языка, бросил кощунство и переменил все наружные приемы. Он застал церковь в каком-то странном оцепенении, не мог даже подозревать в ее недрах существования неприязненных сил и духов, втайне посягавших на нее».

С приходом в Св. Синод нового обер-прокурора иерархи, недовольные политикой правительства в духовной сфере, были вынуждены замолчать. Все указы от высочайшего имени давались по докладу князя и выходили в его редакции. Это дало право П. В. Верховскому в его исследовании утверждать, что с самого вступления в должность А. Н. Голицын занял фактически положение первого лица в Св. Синоде. Совершенно неожиданно духовенство смирилось со столь необычной трактовкой должности «царева ока». Ф. В. Благовидов объяснял это тем, что в своих отношениях с церковью Александр I был прозорливее своих предшественников и, ужесточая государственный контроль, одновременно пытался улучшить положение духовенства. Действительно, Духовное Ведомство интересовало императора во многом с точки зрения просвещения российского общества, и он был заинтересован навести в нем порядок. Именно планами императора по поводу православного

духовенства объясняется тот факт, что наделенный чрезвычайными полномочиями А. Н. Голицын был крайне осторожен в новой должности. Первые указы нового обер-прокурора были призваны навести порядок в его канцелярии, и в скором времени дела там стали вестись по образцу Сената. Одной из задач обер-прокуроров в предыдущий период было подчинение себе секретарей консисторий и получение от них сведений о решении дел. А. Н. Голицын поначалу тоже этих сведений не получал, но, с течением времени, его усилия стали столь эффективны, что в консисториях возникли конфликты глав епархий с секретарями. С приходом князя Св. Синод не изменил своего состава, в дальнейшем кадровые перестановки носили обычный характер. 7 октября 1803 года был уволен в епархию архиепископ Павел, и его место занял Мефодий¹⁶, епископ тульский. 11 декабря 1803 года архиепископ казанский Серапион был назначен киевским митрополитом с присвоением звания члена Св. Синода. Малоознакомому с духовенством князю было сложно формировать по своему выбору состав Св. Синода, к тому же нельзя было предсказать, как поведет себя новый иерарх, облеченный высокой должностью. К серьезной кадровой перемене, по мнению Т. В. Барсова, относится указ 16 января 1804 года, по которому за особые заслуги Павлу Озерецкому выплачивалось жалование с прибавлением окладов двух свободных вакансий архимандритов. С тех пор архимандриты в Синод больше не назначались. Это существенно ограничило состав синодальных членов, соответственно усилив позиции обер-прокурора. Большая часть указов, направленных в Св. Синод от высочайшего имени в 1804 году, носила дисциплинарный характер. Среди них: от 3 мая «О запрещении семинаристам присылать помимо епархиальных архиереев в Св. Синод прошения об увольнении по болезненным припадкам в светское ведомство»; от 21 июля «О непринятии послушников монахами (по пресечению практики того, что послушники, еще не став монахами, уже брали себе монашеские имена)»; от 30 сентября «О непринятии учителей и учеников духовного ведомства без увольнения из Св. Синода в Министерство народного просвещения», — как указывал П. Знаменский, духовное звание в России в начале XIX века приобрело наследственный, кастовый характер, и Св. Синод пытался ограничить утечку кадров на светские должности. В первый год царствования Александра I была предоставлена свобода для воспитанников духовных школ по выбору последующей карьеры. Но в 1803 году этот вопрос был передан правительством на усмотрение Св. Синода. 10 ноября издан указ «О подтверждении епархиальным архиереям, дабы покупка казенных вещей производима была не иначе, как на основании изданных по сему предмету указаний»; от 8 декабря — «О соблюдении благочестия в церквах». Все подобные указы давались по поводу кон-

кретного случая и в дальнейшем носили силу закона; к ним обращались при разрешении аналогичных ситуаций. Например, указ от 8 декабря был дан после того, как царь, присутствуя на службе в Невской Лавре, увидел в церкви толчею и беспорядок, а также что некоторые прихожане поворачивались спиной к святым образам.

По таким же малозначительным поводам давались высочайшие указы Св. Синоду и в 1805 году: от 1 января — «Чтобы решения консисторий о разводах на месте не исполнялись, но вносились на рассмотрение в Св. Синод»; от 28 июля — «О внесении помещиков и чиновников, вступивших в браки с крепостными своими девками и другими не равного себе состояния, в метрические книги» (что часто не делалось); от 2 октября — «О донесении Св. Синоду о случившихся в церквях во время служения неблагопристойностях и о делании решеток перед Иконостасом и у амвона»; от 29 декабря — «О прибавке сумм на содержание нижних чинов в Св. Синоде».

13 июля 1805 года А. Н. Голицын объявил Св. Синоду указ, согласно которому все лица, управляющие епархиями, должны были по одному приезжать в Петербург для личной встречи с императором. Такое положение давало возможность князю увольнять в епархии и вызывать лиц для присутствия в Св. Синод по своему усмотрению. Так как сведений о конфликтах обер-прокурора с членами Св. Синода нет, можно предположить, что вызов епархиальных архиереев в столицу нужен был для более близкого знакомства с ними и отбора достойных. Первым был вызван могилевский архиепископ Анастасий и вскоре отправлен в Астрахань, на его место вызван 22 февраля 1806 года пензенский епископ Гай, причем Анастасию 7 декабря было пожаловано звание члена Св. Синода с оставлением его в епархии. Видимо, это была последняя почать тяжелобольному, так как в 1807 году Анастасий скончался. Первой «находкой» князя стал Феофилакт (Русанов) епископ калужский, вызванный в Св. Синод в конце 1806 года. Одним из первых указов по Духовному Ведомству в 1806 году стал указ от 28 февраля «О предоставлении Синоду из епархий о всех бракоразводных делах». Указывалось, что развод в России возможен по четырем причинам: 1. В случае прелюбодеяния одного из супругов. 2. В случае установления двоеженства. 3. В случае отсутствия одного из супругов более пяти лет. 4. При невозможности одного из супругов по состоянию здоровья исполнять супружеские обязанности. Вопрос о разводе в царствование Александра I поднимался неоднократно, перед войной 1812 года на одном из заседаний Св. Синода М. М. Сперанский выступил с предложением вообще изъять бракоразводные процессы из духовного ведения. Против этого горячо выступили А. Н. Голицын и известный масон Р. А. Кошелев —

с этого момента началась дружба этих двух вельмож, впоследствии оставившая заметный след в духовной жизни страны.

16 ноября 1806 года был издан манифест о войне с Францией, тут же нашедший отражение в указе Св. Синоду «Об учинении разбора священно- и церковнослужителям и их детям». В предшествующие царствования церковные разборы были средством избавить духовное сословие от людей, по каким-то причинам непригодных к служению. Их насильственно приписывали к податному сословию или отдавали в солдаты. Разбор 1806 года был единственный в царствование Александра I, и он, по мнению П. Знаменского¹⁷, прошел легко для духовенства. Всех детей священнослужителей старше 15 лет, не учащих и живущих с родителями праздно, предписывалось отдавать в солдаты; младше 15 лет — в обучение на унтер-офицеров. Св. Синод предоставил подробный отчет о детях священнослужителей и незамедлительно исполнил повеление — российская армия нуждалась в пополнении. Война и разочарования в Интимном комитете заставили императора приостановить преобразования в области духовенства. Александру I были нужны новые люди для воплощения в жизнь идей юности, реформы неожиданно переместились в сферу Духовного Ведомства. Их главным вершителем был Михаил Михайлович Сперанский, сын бедного священника, начавший свою карьеру с духовного поприща, ставший позднее ближайшим сподвижником императора. П. Знаменский идет еще дальше, утверждая в своем исследовании, что М. М. Сперанский пробудил интерес императора к церкви и был инициатором улучшения быта и образования духовенства. Такой взгляд представляется нам несколько преувеличенным, так как проблемы быта и образования духовенства занимали А. Н. Голицына задолго до прихода М. М. Сперанского в высшие сферы власти.

<...> Дальнейшие перемены в жизни Духовного Ведомства начались с направлением М. М. Сперанского в Комитет по устройству духовных училищ. Усилить А. Н. Голицына новым сотрудником целесообразно было потому, что князь был мало знаком с бытом православной церкви и сутью ее учения, но при этом был умудрен общением с высшей иерархией. Для М. М. Сперанского это был своеобразный экзамен реформаторской деятельности, причем в случае удаче предприятия лавры достались бы обер-прокурору, а при неблагоприятном исходе ответственность можно было возложить на нового сотрудника, вскоре покидающего Духовное Ведомство. Еще в марте 1805 года Старорусский епископ Евгений Болховитинов по указу митрополита Амвросия составил проект преобразования духовных училищ, который был представлен государю.

<...> Таким образом, была подготовлена база для преобразований, так как духовное просвещение по новому его образцу должно было

готовить, священников более широких взглядов, потенциальных проводников новых идей. В указе от 26 июня 1808 года «О передаче дел Комитета об усовершенствовании духовных училищ Комиссии духовных училищ» император отмечал: «Отдавая совершенную справедливость усердию и отличной деятельности, коими Комитет при исполнении поручения сего руководствовался и содействовал моим намерениям, о доставлении прочных правил духовенству, как в его просвещении, основанном на истинном благочестии, так и в способах его содержания, и, изъявляя всем членам оного особое мое благоволение и признательность». Таким образом, нет сомнений, что, по замыслу царя, именно переустройство церкви было основной целью Комиссии. Все мероприятия, намеченные Комитетом, планомерно приводились в исполнение. Указом от 8 августа 1808 года о порядке сношения Комиссии духовных училищ с Синодом и другими местами и лицами, об образе производства дел и штате канцелярии Комиссии определялось место нового образования в государственных структурах. Сношения со Св. Синодом определялись так же, как у обер-прокурора, в виде представлений, а с другими ведомствами — через князя А. Н. Голицына.

Всеподданнейшие доклады предписывалось подносить за подписями всех членов Комиссии или от имени А. Н. Голицына. 28 августа вышел указ «О присвоении церквам исключительного права продажи церковных свечей». Лица, пойманные на незаконной их оптовой и розничной продаже, подлежали в первый раз штрафу, равному двойной стоимости продаваемых свечей, во второй — конфискации товара и отданию под суд. Эта мера уже в первый год принесла значительную финансовую выгоду; указ от 8 июня 1809 года предписывал отослать денежные суммы, полученные от продажи свечей, в Государственные земельные банки и императорские опекунские советы для приращения процентов. Вскоре все участники Комиссии были награждены орденами, а А. Н. Голицын и М. М. Сперанский осенью 1808 года были удостоены чести сопровождать императора на встречу с Наполеоном в Эрфурт.

Исследователи XIX века А. Н. Пыпин и профессор Шиман (на основе воспоминаний профессора Гауеншильда) считали, что М. М. Сперанский планировал создать масонскую ложу из представителей православного духовенства. Очевидно, что кроме этого недоказанного намерения, М. М. Сперанский, исследуя масонство, выполнял пожелания императора ознакомиться с его системами. В 1813 году он писал императору из ссылки в Пензе: «Нужно ли, всемилостивейший государь, чтобы я оправдывал себя и противу тех обвинений, кои рассеиваемы были моими врагами, о нравственных моих правилах и связях моих с мартинистами, иллюминатами, и прочее? Когда ваше величе-

ство пожелали о предметах сего рода, и в особенности о мистической их части, иметь сведения, я с удовольствием готов был посвятить вам все плоды моих изысканий и размышлений. Беседы мне сии тем были приятнее, чем более я видел, что предмет их сообразен с сердечными вашими чувствами». Массонские ложи, проникшие в Россию при Петре I, расцвели буйным цветом в царствование Екатерины II, найдя много адептов из российских граждан. Массонство, как правило, разрешало полную свободу вероисповеданий своих приверженцев, но вместе с тем в обрядовой стороне предлагало свою систему мистических воззрений, причудливо пародировавших христианство. Вместо заповедей богобоязни, покаяния и любви массонство предлагало свободу, равенство, братство; вместо второго пришествия Христова ожидалось воскрешение Великого мастера, сына вдовы, убитого во время строительства храма Соломона. Массоны вели свои работы в ожидании обновления человека для новой жизни, в едином всемирном государстве, с общей религией. В современном обществе существуют различные взгляды на массонство: православная церковь продолжает считать массонов слугами сатаны; историки, мало знакомые с данным предметом, считают массонство аналогом клуба по интересам, не влияющего на жизнь личности и общества; среди специалистов бытует взгляд, что массонство — организация, преследующая чисто политические интересы.

С воцарением на престоле Александр I возобновил запрет на работы массонских лож. Однако никаких репрессивных мер не предпринималось, и они продолжали работать в том же порядке, что и прежде. Среди российских массонов не было единства, одни из них во главе с И. В. Бебером придерживались шведского обряда, другие во главе с А. А. Жеребцовым¹⁸ обряда французского, кроме того, существовали ложи мартинистов (последователи Сен-Мартена, склонные к алхимии и философии), работавших самостоятельно. Несмотря на то что ужасы французской революции приписывали ордену иллюминатов, созданному Адамом Вейсгауптом, по подобию ордена иезуитов, в начале XIX века массонские ложи были очень модны у русской аристократии. В ложи французской системы входили великий князь Константин Павлович, герцог Александр Виртембергский¹⁹, граф Станислав Потоцкий²⁰, Сергей Ланской, А. Х. Бенкендорф, А. Д. Балашов. В августе 1810 года управляющие столичными ложами были призваны к министру полиции, где по высочайшему повелению у них были взяты на рассмотрение все акты работы лож, для их рассмотрения был создан специальный правительственный комитет, куда входил М. М. Сперанский. После чего была разрешена работа старых и открытие новых массонских сообществ. Вместо малоэффективного запрета был введен правительственный контроль. Несмотря на то что

акты, по отзыву петербургской полицейской власти, состояли из одних обрядов и церемоний, учения имели мало, а цели никакой, исследователи А. Н. Пыпин и Т. О. Соколовская находят, что ложи французского ритуала имели цель стереть различия между расами, сословиями и верованиями, объединить все человечество узами любви и знания. За разрешением на работу масонских лож скрывалась попытка их реформации и подчинения правительственному контролю. С этой целью в Петербургскую духовную академию, открытую стараниями Комиссии духовных училищ 17 февраля 1809 года, был приглашен для преподавания еврейского языка известный реформатор масонства И. А. Фесслер. Он успешно реформировал ряд лож Германии по собственной системе, которая предписывала упрощенный ритуал, более научную основу работ, базировавшихся на истории масонства, философии и христианских моральных ценностях. Помимо того что И. А. Фесслер был принят в ложу французского ритуала, он собрал свой особый кружок, куда кроме М. М. Сперанского входили А. И. Тургенев, С. С. Уваров²¹, Е. Е. Эллизен, М. Л. Магницкий и так далее. В Духовной академии И. А. Фесслеру было решено разрешить также преподавание философии, для чего он должен предоставить конспекты будущих лекций.

Приглашение И. А. Фесслера в Духовную академию было весьма рискованным шагом со стороны императора, отношение духовенства к этому известному масону видно из записок архимандрита Фотия: «Бывший сперва самый приближенный к сердцу цареву, Михаил Михайлович, родом из духовных, Сперанский, государственный человек, также виной нововведения тайных обществ и книг нечестивых многих. По ходатайству его выписан расстрига из католического вероисповедания Фесслер и учение свое в пределах, как новый Менес, Лютер и Кальвин, но злее и непотребнее всех тех в своих правилах, распространил силою власти и покровительством вельмож. Безбожный Фесслер в новейшее время есть ангел тьмы в плоти». Будущий митрополит московский Филарет вполне разделял взгляды Фотия по этому вопросу; он писал, что влияние Фесслера было обширно и он способствовал появлению безбожников, помимо всего прочего, доказывая, что Иисус Христос был не более чем философ. Такими настроениями духовенства воспользовался А. Н. Голицын, который, несомненно, тяготился возросшей ролью М. М. Сперанского в его ведомстве. С критикой конспектов Фесслера выступил Феофилакт, настаивая на том, что они не соответствуют духу православия, которого Фесслер знать не может, не зная русского языка. Несмотря на защиту М. М. Сперанского, конспекты приняты не были, 22 июля 1810 года И. А. Фесслер уволен от звания профессора Духовной академии,

и в 1811 он уезжает из Петербурга. В ответ на это М. М. Сперанский перестает посещать заседания Комиссии духовных училищ.

С удалением И. А. Фесслера закончился период реформ в духовной жизни страны, связанный с именем М. М. Сперанского. Обстановка в духовном ведомстве в этот период прекрасно характеризует отношение общества в целом к реформам императора. Св. Синод, умиротворенный А. Н. Голицыным, вновь возмутился, но одно это не могло заставить обер-прокурора стать на сторону духовенства. А. Н. Голицын был лишь проводником воли императора и только с его благословения мог выступить против своего соперника М. М. Сперанского. Обстановка вокруг реформ, и без того накаленная указом 1809 года «О придворных званиях и экзаменах на чины», усугубилась негодованием именитых масонов на деятельность И. А. Фесслера. Такая ситуация заставила императора сперва, в пользу более важных начинаний, отказаться от преобразований духовной сферы, а затем, для умиротворения общества перед грядущей войной, отправить в ссылку главного реформатора М. М. Сперанского.

Предпочтение правительства было отдано ложам шведской системы, и они объединены под руководством директориальной ложи «Владимира к порядку» во главе с И. В. Бебером. Однако не присоединившиеся розенкрейцеры ложи А. Ф. Лобзина, И. А. Позднева, П. И. Голенищева-Кутузова также продолжали свои работы, без официального одобрения. Такое невнимание властей к самоуправству масонов объясняется тем, что уже на подходе была мода, на время затмившая масонские труды, — это было отвечавшее новым религиозным настроениям императора английское Библейское общество. Действия Александра I, направленные на дискредитацию работ масонов, увенчались успехом. В начале XIX века масонские ложи сделались модными у представителей высших классов общества. Убежденные члены братства растворились в толпе последователей новых веяний, многие тайны стали всеобщим достоянием. После войны 1812 года атмосфера масонских лож уже не могла удовлетворить будущих декабристов. Сделавшись общедоступным, масонство во многом утратило свое тлетворное влияние и стало дворянским клубом.

А. Н. Голицын в 1810 году был назначен главноуправляющим, образованным 25 июля Департаментом иностранных вероисповеданий. С этого момента в руках одного лица находилось управление всеми вероисповеданиями империи. Видимо, в утешение за потерю части влияния, из-за прихода М. М. Сперанского в Комиссию духовных училищ, князю было, в дополнение ко всем постам, поручено управление Канцелярией по делам придворных ведений, одновременно с этим князь стал членом Государственного Совета. С отстранением М. М. Сперанского

от работы в Комиссии духовных училищ борьба между ее членами не прекращается, а приобретает новую остроту с включением в нее Филарета (Дроздова). В то время это был еще молодой священник, 1782 года рождения; он, в 1803 году закончив Троицкую лаврскую семинарию, был оставлен при ней учителем; в 1808 году принимает монашество. Ныне о Филарете издано много литературы, однако авторы ее совершенно не обращают внимания на то, что у этого выдающегося деятеля православной церкви отношения с государственной властью делятся на два контрастных периода. Во времена перемен и преобразований Александровского царствования Святитель придерживался своеобразного религиозного либерализма и был полон христианского смирения, при Николае I, когда отношения государства и церкви изменились к лучшему, Филарет начал проявлять необыкновенную строгость, вполне достойную архимандрита Фотия. Несомненно, такое лавирование митрополита Московского объясняется тем, что любая строптивость в первой четверти девятнадцатого века была строго наказуема, а чтобы хоть как-то влиять на императора в пользу православия, нужно было находиться у вершин власти. Согласно воспоминаниям будущего митрополита московского, он, прибыв в Петербург в 1809 году, тут же вступил в конфликт с митрополитом калужским Феофилактом, который принадлежал к партии более светских особ в духовном ведомстве, поддерживаемых М. М. Сперанским. Вызов молодого иеродьякона в столицу был связан с исполнением указа от 19 марта 1808 года «О присылке в Синод для рассмотрения и напечатания за казенный счет говоренных духовными особами проповедей», неслучайно поэтому уже первая проповедь Филарета, произнесенная в Петербурге, привлекла к себе пристальное внимание. Против нее выступил Феофилакт с обвинением в пантеизме. Проповедь брали на рассмотрение А. Н. Голицын и М. М. Сперанский, не найдя в ней ничего предосудительного дали разрешение на дальнейшее чтение. На Пасху 1809 года Филарет был рукоположен в иеромонахи, а в 1811 году возведен в сан архимандрита и награжден нательным крестом. В представлении к награждению, поданному Комиссией духовных училищ, перечислялся послужной список Филарета: «Иеромонах Филарет родом из духовных; обучался в Троицко-Сергиевской семинарии географии, истории, риторике, философии, богословию и языкам. 1803 года 21 ноября определен в оной семинарии учителем греческого и еврейского языков, 1806 году 30 августа учителем поэзии в должности проповедника при Сергиевской лавре, 1808 году 14 января высшего красноречия и риторики с оставлением в должности проповедника. 1808 года 16 ноября постригся в монахи, а 21-го посвящен в иеродьяконы. 1 марта 1809 года определен бакалавром философских наук и инспектором

в Петербургскую семинарию; 5 апреля сделан иеромонахам, 9 августа поручена должность ректора Александровского духовного училища. 1810 года 8 февраля переведен в Петербургскую духовную академию со званием бакалавра богословских наук и церковной истории, 27 сентября утвержден членом академического правления. Дел до него не касалось, поведения порядочного и в должности исправен. От роду ему 33 года». А. Н. Голицын представляет царю молодого архимандрита и тот становится на долгие годы его консультантом по вопросам религии. Отстранение от должности Фесслера и конфликт по поводу проповедей Филарета были не первыми конфликтами среди членов Комиссии духовных училищ, но они выделялись тем, что Феофилакт противопоставил себя прочим ее членам. А. Н. Голицын, как и император, не терпел своеволия и свободомыслия, следующей его жертвой стал Феофилакт, оказывавший ранее поддержку М. М. Сперанскому. В 1811 году в одной из своих проповедей Феофилакт нарисовал картину старца, за которого распоряжается молодой, имея в виду главу Св. Синода Амвросия и Филарета. В ответ митрополит Амвросий запретил ему проповедовать в Петербурге. До 1812 года Феофилакт продолжает усердно работать в Комиссии духовных училищ и даже получает за труды орден Александра Невского, хотя уже не играет никакой роли в решении важных вопросов. Когда в Духовной академии освобождается вакансия ректора, туда назначают Филарета, вместо предлагаемого Феофилактом Леонида Зарецкого. 27 ноября 1812 года Феофилакту приказывается отбыть в разоренные врагом епархии для их восстановления. Об этой деятельности митрополита рязанского нет единого мнения среди исследователей, но к Пасхе 1813 года ему даруется императором бриллиантовый крест на клобук. Вернувшись в Петербург 19 мая 1813 года, Феофилакт сразу же попадает в центр интриги. Поводом к ней послужил перевод, сделанный под руководством Феофилактом студентами Духовной академии книги Ансалона «Эстетические рассуждения», как пособие для преподавания словесности. С критикой перевода выступил архимандрит Филарет. Дело рассматривалось на заседании Комиссии духовных училищ 11 октября 1813 года, к этому времени книга прошла светскую цензуру, была напечатана и распродана. Из членов Комиссии Амвросий и А. Н. Голицын перевод осудили, а П. В. Криницкий и И. С. Державин не нашли убедительными доводы Филарета. Однако книга была запрещена, а Феофилакт 11 ноября 1813 года был отправлен в свою епархию, до особого распоряжения. Таким образом, обер-прокурор Св. Синода подавлял любые попытки духовенства иметь собственное мнение, отличное от его собственного. Такое положение сохранилось вплоть до весны 1824 года.

В первое десятилетие царствования политика Александра I в духовной сфере мало отличалась от политики его предшественников. Император пытался включить Св. Синод в структуры государственного управления. Этой цели служили назначение обер-прокурором князя А. Н. Голицына с приданием ему особых полномочий и деятельность Комиссии духовных училищ. Перед войной 1812 года обер-прокурор фактически становится первым лицом Св. Синода и зачастую не считается с коллегиальностью этого органа. Поручение в 1810 году управлению А. Н. Голицына Главного управления духовных дел иностранных исповеданий делает его главой всех вероисповеданий в России. Поскольку если главенство в Св. Синоде было не гласно, то управляющей Главного управления духовных дел иностранных исповеданий исполнял функции, равные компетенции министра. Несмотря на явно возросшее влияние государства на дела православной церкви, сведений о выступлениях духовенства против политики императора в духовной сфере в этот период не имеется. Это объясняется тем, что Александр I в первое десятилетие царствования был очень осторожен в вопросах, связанных с православной церковью. Положение стало меняться в связи с формированием религиозных взглядов императора. Начало этого процесса можно отнести к концу первого десятилетия царствования. Среди лиц, оказавших влияние на религиозное становление императора можно выделить Р. А. Кошелева, М. М. Сперанского, И. А. Фесслера и Филарета (Дроздова). В дальнейшем это были госпожа Крюденер, Юнг-Штилинг, Е. Ф. Татаринова, протестантская литература и идеология Библейского общества. Во всех специальных исследованиях духовно-религиозной политики царствования Александра I отмечалось, что император воспринял сложную религиозную систему, базирующуюся на протестантизме, учении о внутренней церкви, пророчествах и полной веротерпимости к христианским церквям и сектам. На протяжении двадцати лет проводником политики императора в духовной сфере был князь А. Н. Голицын. Даже после отставки Александр I сохранил доверие к своему старому другу. На этом основании можно с полной уверенностью делать вывод о том, что религиозные воззрения князя и императора совпадали. Но при этом то, что у Александра I было на уровне взглядов и могло меняться в зависимости от ситуации, А. Н. Голицын воспринимал как догму и программу духовно-религиозной политики.

<...> События французской революции вызвали к жизни мощный поток мистической литературы, русское дворянство жадно воспринимало его, несмотря на все запреты. Таким образом, правительству не осталось ничего другого, как пойти по пути разрешения нейтральных изданий. Эти философско-религиозные трактаты по своему содер-

жанию находились между эволюционными воззваниями Ж.-Ж. Руссо, Монтескье и католическим клерикализмом. Это был причудливый симбиоз последних достижений науки, трудов Эммануила Канта и протестантизма с оттенком раннего христианства. Имена авторов наиболее популярных мистических произведений были запечатлены в ряде писем и посланий современников. Вредные книги перечисляли архимандрит Фотий в своих посланиях царю, С. И. Смирнов в обличительном письме, известный масон М. И. Невзоров²² в письме митрополиту Серафиму, те же имена и произведения перечислялись в «Записке о крамолах врагов России», полученной от А. А. Павлова. Наиболее популярными в России были: И. Г. Юнг-Штиллинг, К. Эккартсгаузен²³, Ф. О. Шатобриан, Э. Сведенборг²⁴, Сен-Мартен²⁵, Яков Беме²⁶, Фенелон²⁷, Гийон. Произведения этих авторов, совершенно различные по содержанию, роднило между собой то, что они были совершенно чужды православной культуре и русскому духу.

<...> Наряду с произведениями, имевшими явное антиправославное содержание, существовали книги со скрытым смыслом, понятные только посвященным. Вопрос о существовании такого рода подрывных изданий поднимался А. С. Шишковым и архимандритом Фотием, но полностью игнорировался в исторической литературе. Между тем существование книг с тайным смыслом вполне обуславливалось масонской обрядностью, где традиционно царил символизм, понятный только по достижению определенных степеней. Причем в одной и той же мистерии мог скрываться ряд смысловых этажей, доступных по мере посвящения. Таким образом, одна и та же книга, читаемая самостоятельно и с руководителем из посвященных, имела различный смысл. Это давало братьям высоких степеней дополнительное преимущество перед «профанами» и «учениками» и позволяло вести их за собой.

<...> Влияние неправославной духовной литературы не замедлило сказаться на состоянии образованного русского общества. Многие ищущие веры поддались развращению. Среди них была сотрудница А. Ф. Лабзина по «Сионскому вестнику» А. П. Хвостова (урожденная Хераскова; 1768–1853). Она получила домашнее образование, но выросла в литературной среде и рано начала писать. Ее первый роман был популярен в столичных салонах и разошелся несколькими изданиями. Она рано вышла замуж и вскоре была брошена супругом П. М. Хвостовым. А. П. Хвостова собирала у себя салон, который посещали отец и сын графы де Местр, в том числе и под их влиянием она обратилась к мистицизму. Эти опыты привели А. П. Хвостову к написанию ряда книг антиправославного содержания. <...> Эти маленького формата книги проповедовали внутреннюю церковь. «Советы души моей» рассказывали об откровениях, приходящих во снах

автору. В них раскрывались тайны, сокрытые в Св. Писании. На их основании А. П. Хвостова строила картину мироздания, схожую с творениями Я. Беме. Совершенно неожиданно кроме ангелов и демонов автор открывала наличие нескольких родов промежуточных духов — средние, стихийные, поднебесные, полуденные. Изначально они были отданы Богом Адаму и пали вместе с ним. Имея очень ограниченные возможности, они находятся вблизи человека, надеясь вместе с ним обрести спасение. Тут же противореча себе, А. П. Хвостова писала, что видения и сны могут быть посланы человеку этими духами в своих целях, и духа надо искушать. Однако свои видения она приписывала ангелам. <...> Книги подобного рода издавались на государственные средства во многих типографиях. Проходили светскую цензуру и поступали в продажу. Впоследствии А. Н. Голицын начал использовать духовное ведомство для распространения литературы такого плана. Книги в огромных количествах рассылались по епархиям, на имя архиереев, с предписанием к последующему распространению.

<...> В первой четверти XIX века светская и духовная цензура в России действовали несогласованно, поэтому выход в свет изданий зависел от того, в какую цензуру будет направлена рукопись. Такая градация была настолько жесткая, что самому князю А. Н. Голицыну не удалось провести через духовную цензуру книгу Юнга Штиллинга «Победная повесть» в 1815 году. Зачастую о пользе издающихся книг судили по близости автора ко двору и высшему свету. Таким образом, в своей цензурной политике А. Н. Голицын руководствовался как религиозными настроениями императора, так и собственными симпатиями.

<...> Еще в 1802 году император попытался учредить в России Императорское человеколюбивое общество, по примеру английского. Общество управлялось Советом, состоящим из 17 лиц, четверо из которых назначались императором, а остальные избирались по сложной системе, напоминавшей масонскую ложу. Первыми попечителями Общества, впоследствии просуществовавшего в России до 1917 года, стали А. Н. Голицын и П. А. Галахов. Однако этот Совет бездействовал до 1816 года, несмотря на то что английское Человеколюбивое общество в 1807 году присвоило Александру I золотую медаль за спасение замерзавшего крестьянина. Более продуктивный характер носила деятельность Библейского общества, созданного в 1804 году в Лондоне. Один из основателей Библейского общества пастор Пинкертон отмечал в своих мемуарах, что главным источником всех христианских и человеколюбивых трудов был, без сомнения, император; потому что в такой стране, как Россия, ничего в подобном роде не могло бы совершиться без одобрения властей. Англичане получили право основать

свою миссионерскую колонию в Карасе на Кавказской линии, с целью обращения кавказских горцев в христианство. В 1810 году был основан филиал Общества в Або (Финляндия), Александр I пожертвовал на его открытие 5000 рублей и 1000 бочек ржи. Российское правительство приняло на себя распространение в Лапландии Нового Завета, напечатанного в английском Библейском обществе.

Несомненно, что кроме всего прочего, контакты с различными английскими обществами были призваны упрочить политические отношения между Англией и Россией перед лицом общего врага — Наполеона. Однако договор с Францией мешал русскому правительству упрочить выгодные ему связи. В планах Наполеона Россия должна была помочь нанести удар по «мягкому подбрюшью» Британской империи Индии, по этой причине Англия была заинтересована в любых дружественных связях с Россией. Не случайно приезд пасторов Патерсона и Пинкертон в Петербург совпал с началом военных действий 1812 года. Князь А. Н. Голицын благосклонно принял англичан и по согласованию с царем возникло дело «Об учреждении в Петербурге Библейского общества 23 июня 1812 года — 8 марта 1813 года». 4 августа 1812 года Сенату дан высочайшей указ «О восстановлении с Англией мира и о начатии торговых с оной отношений, на основании существующих узаконений». Окончательное оформление открытия Библейского общества в России было приурочено к окончанию боевых действий. 6 декабря 1812 года был высочайше утвержден доклад Главноуправляющего духовными делами иностранных исповеданий А. Н. Голицына «Об учреждении Библейского общества в Петербурге». В нем содержался устав Общества. Российское Библейское общество в своей деятельности планировало руководствоваться теми же правилами, что и английское: 1. Увеличение выпуска Библий без комментариев. 2. Перевод Священного Писания на различные языки. 3. Привлечение лиц различного вероисповедания для распространения выпускаемых изданий. 4. Членом общества мог быть любой, жертвовавший любые суммы на его деятельность. 5. Жалованья членам общества не выплачивалось.

<...> Открытие Общества было приурочено в общественном сознании к победе над французами. Тогда же родилась легенда о том, как император проникся духом Священного Писания: когда после взятия Москвы Наполеоном в Петербурге началась паника, только в доме А. Н. Голицына царил покой и, когда приехавший к нему в гости Александр I спросил князя о причине такого бесстрашия, тот сослался на Божию защиту и подал императору Библию, которая, упав на пол, открылась на странице, предрекавшей гибель вражеского нашествия. Этот рассказ, записанный со слов А. Н. Голицына,

не внушает доверия, поскольку очевидно, что религиозные взгляды царя оформились раньше. <...> В речи, произнесенной при открытии Общества, раскрывались его цели: «Общество собирается не оплакивать потерянное, созидать разрушенное и проклинать опустошителей, но утешать бедствующих духовным утешением, назидать внутренние храмы Бога живого...». Укрепляя своим авторитетом, престиж Общества, 15 декабря сам император изъявил желание стать его членом, и выдал единовременно 25 000 рублей и по 10 000 ежегодно, начиная с 1 января 1813 года. Вслед за Александром I в Библейское общество вступили великие князья Николай и Михаил. Такого рода подготовка к открытию Общества была необходима, так как его деятельность имела немало противников: «Библейское общество, преследуемое донныне публикой, ободрилось. Государь император сделался членом оногo, все ожили, а преследователи ищут уже всячески, чтобы попасть в члены» — гласили ходившие по Петербургу слухи. Так как главным противником Библейских обществ в Европе было католическое духовенство, неудивительно, что на первых порах император побоялся включать в состав первого комитета, избранного для руководства Обществом, православное духовенство. О том, что с самого основания общества членами его стали представители Св. Синода свидетельствует письмо А. Н. Голицына архимандриту Филарету 9 января 1813 года: «Вам известно, что с высочайшего дозволения учреждается здесь общество Библейское, которое будет иметь первое заседание в субботу будущую, то есть 11 января в доме, мною занимаемом, в 12 часов по полуночи. Сословие сие поручило мне звать в сей день ваше высокопреподобие, прося сделать ему честь принять на себя звание члена оногo. Преосвященный митрополит Амвросий и Серафим, архиепископ минский и духовник его величества мною уже приглашены в члены».

На первом генеральном собрании было собрано 5750 рублей единовременных пожертвований и 4800 рублей ежегодных взносов, 6944 рубля было пожертвовано британским Библейским обществом. Эти деньги в соответствии с задачами Общества были направлены на книгоиздание. Комитет приступил к изданию Библии на языках финском и немецком и к печатанию Нового Завета на языках армянском и калмыцком, планируя выпустить Новый Завет также на французском и польском языках. В 1813 году было напечатано 5295 книг Священного Писания и распространено 3700 из них. Библии продавались по доступным ценам, а малоимущим выдавались бесплатно. Несмотря на то что при открытии Общества было решено оставить выпуск славянской Библии в ведении Св. Синода, уже в 1813 году под руководством московского комитета Общества было

выпущено по 5000 экземпляров Библии и Нового Завета. Главная проблема, с которой столкнулось Общество на первых же порах своей деятельности, состояла в том, что большая часть населения России была безграмотна и немногие умевшие читать понимали старославянский язык Библии. Таким образом, на первых порах работа Общества оказалась направлена в основном на дворянство, и без того читавшее Библию на различных европейских языках. Именно на дворянство и духовенство и была рассчитана деятельность Общества по выпуску изданий пропагандистского характера. К этим книгам принадлежали: «О библейских обществах и учреждении такового в СПб.» (1813); «О целях Общества и средствах достижения оных» (СПб., 1814); «Разговор двух приятелей о пользе Библейского общества» (СПб., 1814). Литература такого рода активно внедрялась в России, в том числе и в армейской среде, где подписка на книги проходила под руководством командиров. В том же году были открыты Дерптское, Курляндское, Рижское, Московское, Ревельское и Ярославское отделения Общества. Активно налаживались контакты с иностранными Библейскими обществами <...>. В 1814 году произошла большая перемена в жизни Библейского общества, в его состав были включены православные иерархи. <...> Этот новый комитет, для большего распространения среди публики сведений о целях Общества, издал в количестве 35 000 экземпляров брошюру «О цели Российского Библейского общества и средствах достижения оной». 4 сентября 1814 года общество стало называться Российским Библейским обществом, а его отделениям велено было называться по тем губерниям или городам, где они находились. Общество получило право пересылать свою переписку с отделениями и корреспонденцию безденежно. Новое учреждение императора сразу привлекло к себе всеобщее внимание, Его пытались использовать в своих интересах совершенно различные партии. Будущий митрополит московский Филарет пытался направить его на благо православия, чиновники разного ранга пытались заслужить участием в нем повышение по службе, декабристы пытались использовать издаваемые им Евангелия для агитации среди солдат. Лидеры зарубежных Библейских обществ имели свои далеко идущие цели, мечтая использовать Россию в борьбе со своими врагами.

Одним из проявлений причудливых религиозных взглядов императора стала полная веротерпимость ко всякого рода сектам христианского направления, существовавшим и вновь открывающимся в России. Идея о том, что христианские вероисповедания различаются только наружными обрядами, нашла отражение во многих документах царствования. В частности, в Конституции Вольного города Кракова, данной 21 апреля 1815 года, римско-католическая вера

объявлялась господствующей, а все прочие христианские вероисповедания свободными, и никакого различия в правах гражданских на основании сих вер не допускалось. Александр I пошел еще дальше, открывая вновь различные общества, членами которых состояли лица различных христианских концессий. Кроме Императорского человеколюбивого общества и Российского Библейского общества были открыты Женское патриотическое общество 18 ноября 1816 года и в 1820 году Общество попечительства о тюрьмах. По этому поводу А. Н. Голицын писал В. С. Попову: «Из публикуемых листов известно уже вашему высокопревосходительству об учреждении в здешней столице, по соизволению государя императора, общества под названием попечительского о тюрьмах, цель которого есть улучшение состояния и нравственности содержания в сих местах заключения. Питаю себя надеждой, что и вы, милостивый государь, не откажитесь принять некоторое участие к способствованию сего богоугодного дела». Поводом к открытию этого нового общества стала успешная деятельность Общества библейского. Правительство решило перенять еще одно английское начинание. 19 июня 1819 года А. Н. Голицын подал императору записку с проектом открытия общества, подобного английскому, с приложением плана Вольтера Веннинга «О лучшем содержании тюрем». Совершенно неожиданно это новообразование оказалось одним из самых демократических начинаний царствования. Членам Комитета Общества давались широкие права по надзору, перемещению и наказанию осужденных и обвиняемых во всех местах заключения: «Члены Комитета имеют все права и свободу посещать тюрьмы и дома, где содержатся заключенные, во всякое время по своему произволению». Таким образом, впервые в России был введен общественный контроль над исполнением наказаний. Практических последствий это нововведение не имело, но общественной организации с правами, подобными дарованными Комитету Общества попечения о тюрьмах, в России не существует и по сей день. Общество ставило перед собой также и задачи религиозного плана, нашедшие отражение наряду с прочим в его уставе. Туда входили следующие задачи: 1. Ближайший и постоянный надзор за заключенными; 2. Размещение их по роду преступлений или обвинений; 3. Наставление заключенных в правилах христианского благочестия и доброй нравственности; 4. Занятия их приличными упражнениями; 5. Заключение провинившихся или буйствующих из них в уединенное место. Ни один из получающих жалование от Общества не мог быть членом его Комитета. Предусматривалась ежегодная смена состава директоров и мужского и женского состава. В марте 1817 года было учреждено Аренбургское эстское общество для лучшего исследования

эстского языка, чтобы облегчить преподавание истинной религии и доставление Св. Писания на природном языке. Особое место среди этих учреждений императора занимает Общество израильских христиан, основанное 25 марта 1817 года.

Положение евреев в России часто менялось, 2 декабря 1742 года они были изгнаны даже за пределы страны, но с присоединением частей Польши большое количество евреев вновь стало российскими подданными. 26 февраля 1785 года они были уравнены с прочими подданными. Но этот указ Екатерины II не выполнялся даже в ее царствование. В 1791 году введена «черта оседлости», определены пятнадцать приграничных губерний, где евреям жить дозволялось. С 1794 года с евреев мещан и купцов взималась двойная подать. Внимание к российским подданным иудейского вероисповедания Александр I проявил уже в первые годы своего царствования. 9 ноября 1802 года был составлен комитет для рассмотрения еврейских дел, по многим жалобам о беспорядках во вред земледелию и промышленности в тех губерниях, где евреи обитают. Вскоре был составлен проект законов о правах евреев. Указом от 9 декабря 1804 года Положение о евреях уравнивало их по многим вопросам в правах с прочими гражданами России. Но статус оседлости и двойная подать были оставлены, торговать спиртным в деревнях, иметь питейные заведения и крепостных евреям было запрещено. В 1809 году был учрежден Комитет для еврейских дел. Еврейские семьи и общины, ведущие довольно замкнутую жизнь во главе со своими кагалами нередко становились жертвами различных ужасных обвинений. Дела о принесении в жертву христианских младенцев возникали в 1799 году в Сеннинском уезде, в 1805 году в Велижском поветовом суде, в 1811 году в Витебской губернии, но ни одно из этих расследований не дало результатов и никто обвинен не был. Дело 1816 года о зверском убийстве в Гродно крестьянской девочки привлекло к себе внимание властей, и 28 февраля 1817 года императором был подписан указ, в котором значилось: «Чтобы евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей по одному предрассудку, будто они имеют нужду в христианской крови». По слухам, ходившим в то время, к императору прибыла депутация евреев с жалобами на притеснение; действительно, в 1817 году была отменена двойная подать. Александр I, по своему обыкновению, не преминул использовать этот инцидент в своих интересах. В начале 1817 года был издан указ «О перепровождении находящихся в Сенате дел, прикосновенных до обществ еврейских, к главноуправляющему Духовными Делами иностранных вероисповеданий, для положения по оным мнения (кроме дел уголовных, личных и тяжб об имуществе)».

25 марта был издан именной указ, данный Сенату «Об учреждении Комитета для всех обращающихся в христианство евреев и о даровании им прав и выгод, с отведением к поселению земель в южных и северных губерниях под наименованием оногo Общества израильских христиан». Таким образом, в обмен на принятие христианства евреям предлагалась защита от гонений и прочие ощутимые блага. Сам указ объяснял эти меры лишь заботой о российских подданных, как будто иудеи таковыми не являлись: «Таковые обстоятельства обратили внимание наше на сей особый класс подданных наших, коих внезапная перемена в религии делает чужими в прежнем сообществе людей, к коему принадлежали. Когда же каждое вероисповедание, каждый класс и состояние в любезном отечестве нашем обеспечиваются, под покровительством законов, в образе жизни своей, то и евреи, воспринимающие христианство, да обретут себе в империи нашей прочное и определительное для состояния своего положение». Такова была гибкая мораль того времени: избирательная цензура мистических изданий, избирательная защита российских граждан, либерализм и свобода идей в рамках, отведенных императором.

<...> Начальству всех губерний предписывалось сноситься с Комитетом по всем вопросам относительно евреев, принявших или желающих принять христианство. В указе, даровавшем особые привилегии членам Общества, ясно значилось, что свобода вероисповеданий даровалась лишь в рамках христианских церквей, воспринимавшихся правительством как нечто единое: «Вступающим в общество израильских христиан, так как и потомству их, даруются без различия вероисповедания всем одинаковая, полная и совершенная свобода исповедания веры, и каждое исповедание может опрaвлять богослужение свое, по установленным обрядам своей церкви». Таким образом, предпринималась очередная попытка в чем-либо объединить представителей различных христианских церквей, хотя бы и перешедших из иудейского вероисповедания. Членам Общества кроме плодородных причерноморских земель даровалось право осуществлять внутреннюю и внешнюю торговлю и всякие ремесла и промыслы, заводить мануфактуры, фабрики и заводы, не записываясь ни в цеха, ни в гильдии, так как они освобождались навсегда от всякого рода службы, в том числе и военной. Разрешено было создание собственной полиции, производство водки, вина и пива без права вывоза из поселений, но с правом продажи проезжающим. Селения освобождались от всякого рода постоя и квартирования, а также и других земских повинностей. Всем членам Общества даровалось освобождение от податей на двадцать лет. В Общество мог быть принят любой, а с согласия остальных членов и иностранец.

Однако, несмотря на эти щедрые обещания, евреи не спешили сниматься с насиженных мест. Правительство было вынуждено пойти на меры принуждения. 19 апреля 1817 года издан указ «Об учинении проверки прописанных евреев по всем тем губерниям, где им жить дозволено». 5 мая 1818 года издан указ «О закрытии учрежденного в 1809 году Комитета для еврейских дел» и передачи его материалов в Министерство духовных дел и народного просвещения». Ожидаемого притока новообращенных христиан так и не последовало. Поэтому, параллельно с высылкой иезуитов за соращение в свою веру православных, обратили внимание и на евреев. 8 января 1820 года на высочайшее имя была подана записка министра духовных дел и народного просвещения «О христианских женщинах, находящихся в услужении в еврейских домах». В ней говорилось о соращении уже евреями православных в свою веру: «Евреи, по их учению, считают обязанностью обращать всех в свою веру», поэтому православные, находящиеся в еврейских домах «не только забывают и оставляют без исполнения обязанности христианской веры, но принимают обычаи и обряды еврейские и нередко, по снисхождению евреев, впадают в разврат». 25 марта был назначен особый чиновник для контроля над делами в поселениях израильских христиан, 13 августа предписывалось проследить за исключением принявших крещение евреев из еврейских обществ. Правительственные чиновники в решении проблемы христиан-евреев действовали с помощью политики «кнута и пряника». 20 декабря был издан указ, относящейся к давней тяжбе по поводу сданных в аренду евреям поместий с крестьянами. В России евреям владеть крепостными было запрещено. 20 февраля 1813 года этот указ был повторен. Но позднее открылось, что в Литовской губернии евреи владеют поместьями с крепостными на правах аренды. Поместья были возвращены арендодателям, но евреям издержки возвращены не были. Указ 1820 года подтверждал запрет на владение крестьянами, но деньги с владельцев поместий обязал взыскать в пользу пострадавших евреев. Все эти меры также не имели эффекта. Затем в 1823 году возбуждается «Велижское дело» о ритуальных убийствах, длившееся двенадцать лет и закончившееся оправданием подозреваемых. Таким образом, заканчивается провалом и это начинание правительства, направленное на «регулирование» свободы христианских вероисповеданий.

<...> Количество сект в России в начале XIX века было невелико по сравнению с днем сегодняшним. Не удивительно то, что император, склонный к демократическому взгляду на религиозную принадлежность, относился к сектантам вполне терпимо. Общее направление умов того времени было таково, что государственные мужи любую

веру предпочитали безверию. А чрезмерные притязания папского престола заставляли европейскую аристократию примыкать к разного рода «протестантам». В мистической литературе того времени господствовал взгляд о том, что истинная христианская церковь существовала лишь до IV века, а затем ее учение переняли общины моравских братьев. Действительно учения российских и европейских сектантов были очень схожи с воззрениями мистических авторов, обещавших своим почитателям «легкое спасение» и «ключи от царства божьего». Таким образом, в России приветствовались секты, сходные по духу с идеями, разделяемыми лидерами Российского библейского общества. Самой заметной из официально дозволенных сект был кружок Екатерины Филипповны Татариновой, собиравшейся в Михайловском замке, где она проживала вместе с матерью г. Буксгевден²⁸. Поселясь после смерти мужа в Петербурге, Е. Ф. Татаринова вошла в контакт с сектами хлыстов и скопцов, бывала на их радениях и слушала их пророков. Однако многие обычаи этих сект казались ей мерзкими. В 1817 году лютеранка Е. Ф. Татаринова приняла православие, вместе с новой верой получив, по ее словам, дар пророчества. С этого момента в ее доме начались религиозные собрания. Они проходили открыто и сразу привлекли к себе внимание правительства. Поводом к раскрытию духовного союза послужило перехваченное полицией письмо Е. Ф. Татариновой к госпоже Франц, в котором она приглашала ее переехать в Михайловский дворец и просила никому не открывать тайну их встреч. Поставленный в известность о новой секте А. Н. Голицын передал императору докладную записку, рассмотрев которую, тот распорядился собрания оставить без внимания, как не заключающие в себе важности, но так как комнаты в Михайловском замке отведены г. Буксгевден, Е. Ф. Татаринову выселить. Однако распоряжению императора суждено было остаться невыполненным, вместо этого Е. Ф. Татаринова получила пенсию на 20 лет (около 6 тысяч рублей в год), а А. Н. Голицын, Р. А. Кошелев и В. М. Попов становятся постоянными посетителями ее кружка. На своих собраниях Е. Ф. Татаринова и ее последователь, музыкант Николай Федоров, впадая в транс, начинали пророчествовать и открывать всякие тайные вещи о присутствующих, вдохновленные якобы Святым Духом они брались врачевать смертельно больных. Е. Ф. Татаринова пророчествовала сравнительно редко и почти никогда в больших собраниях, она делала это или в небольшом кругу, или один на один. По словам ее последователей, пророчества всегда сбывались. Собрания обычно открывались чтением Св. Писания, потом пелись различные религиозные песни, затем начинались кружения, пока на кого-либо из кружащихся «не накатывал Св. Дух», и он начинал пророчество-

вать. Постоянного состава у секты не было, собрания посещало около сорока человек обоего пола. Выйти из общества было просто, лиц, прекращающих посещать собрания, просили только не разглашать все происходящее там, так как не всем это знать можно, а лишь любящим Христа. Е. Ф. Татаринова была представлена Елизавете Алексеевне, обещавшей ей свое покровительство, а затем получила аудиенцию и у Александра I. Император, оставшийся довольным встречей с пророчицей, потребовал к себе Николая Федорова и после долгой беседы отпустил его, наградив званием чиновника 14-го класса. Из заметных лиц собрания посещали: А. Н. Голицын, Р. А. Кошелев, А. Ф. Лабзин, В. М. Попов, М. С. Пилетский, Е. А. Головин²⁹, священник А. Малов, сыновья Г. П. Милорадовича³⁰ — гвардейские офицеры. Деятельность секты в Петербурге продолжалась вплоть до 1822 года, когда в России были запрещены тайные общества. Но, даже перебравшись в пригород, Е. Ф. Татаринова не прекратила своих занятий до 1837 года, когда секта была закрыта по распоряжению правительства как противная православной церкви. То, что секта пользовалась особым покровительством императора, можно видеть из письма к нему А. Н. Голицына 14 сентября 1818 года: «Для стада Михайловского замка остался Федоров, которого мы с Кошелевым видим, соблюдая предосторожности, предписанные вашим величеством»; Александр I, видимо, считал, что религиозные собрания на месте убийства его отца послужат искупительной жертвой с его стороны.

Сообщество Е. Ф. Татариновой, за принятые в нем пророчества, получило название русских квакеров, однако, и квакеры английские были в это время в почете у правительства. 18 ноября 1818 года А. Н. Голицын писал императору: «В сообществе нашей квакерской колонии на Охте они составляют довольно многочисленную церковь. Замечательно, что истинные христиане ощущают потребность сплотиться именно в России».

Царствование Александра I стало «благодатным веком» для секты хлыстов, называвших себя «людьми Божьими». О времени появления секты и ее духовных истоках в исторической науке единства нет, но ко времени церковного раскола ее адепты активно действовали в России. Основой учения хлыстов было то, что человек может обходиться без официальной церкви, так как Бог входит непосредственно в сердце верующего. Из своей среды выбирали пророков и «Христов», так как верили в переселение душ. Поэтому источником учения считали откровения своих пророков, но и Библию не отвергали. Жили общинами — «кораблями», имели три степени посвящения в тайны секты. Поскольку хлысты отвергали обряды официальной церкви, они не признавали и церковный брак, что привлекало к ним людей,

тяготившихся семейной жизнью. К началу XIX века многие общины хлыстов погрязли в разврате. У них появился обычай после изнурительных молитв и бичевания устраивать оргии, воспринимавшиеся сектантами как воздаянье Божье за страдания.

Недовольство заведенными мерзостями вынудили отставного поручика Кондратия Селиванова оставить секту хлыстов и начать проповедовать оскотление как избавление от плотского греха и единственный залог спасения. Он ссылался при этом на места из Нового Завета, призывавшие истребить соблазвивший тебя член. Кондратий Селиванов, признававшийся членами секты за «сына божьего» и царя Петра III, вскоре был арестован и выслан в Сибирь. Но вскоре бежал и вновь начал проповедовать и совершать оскотление. При Павле Петровиче он появился сперва в Москве, а затем в Петербурге, объявляемый последователями Христом, за что был отправлен в сумасшедший дом. В 1802 году он освобожден оттуда и поселен в богадельне при Смольном монастыре, а затем взят на поруки камергером Елянским, принявшим скопчество. Оказавшись на свободе, К. Селиванов вновь стал проповедовать в Петербурге, с него было взято обещание не производить оскотление, а в дом, где собирались сектанты, был запрещен вход полиции по высочайшему повелению. Сам император почтил посещением скопческого бога в 1805 году. Число почитателей К. Селиванова росло. На радения скопцов собиралось множество народу. Это вызывало тревогу у властей. 10 января 1818 года было возобновлено дело «Об оскотившем самого себя дворянине Асанове и отправленным за это на военную службу». Его решено было оставить в отставке как отличившегося в кампании 1812 года, но осуществлять за ним надзор. 4 февраля Сенат обратился с запросом к министру юстиции о том, нужно ли распространять действие указа 1816 года на лиц, оскотивших самих себя. В 1816 году Комитет министров представил императору проект закона о скопцах, в котором предлагалось их всех без различия ссылать в Сибирь, но император повелел эту меру применять лишь к главным зачинщикам. В 1818 году царь согласился распространить ссылку и на оскотивших самих себя, и участвовавших в оскотлении. Император отправил к К. Селиванову В. М. Попова и М. С. Пилецкого, пытавшихся разубедить скопцов, однако они успеха не имели. В 1820 году в секту был привлечен племянник петербургского генерал-губернатора А. Г. Милорадович. Граф М. А. Милорадович написал о том А. Н. Голицыну, прося донести императору, что ряды скопцов растут с каждым днем. Проведенное расследование выявило, что оскотления продолжали проводиться, причем скопцы уже появились в армии и во флоте. По указу императора К. Селиванов летом 1820 го-

да был выслан в Суздальский монастырь, но в повозке и со всеми удобствами. Членам секты скопцов было объявлено посланными для этой цели М. А. Милорадовичем, В. М. Поповым и обер-полицмейстером: «Старик сей именуется ими Сыном Божьим, рожденным от Пресвятыя Девы Марии и очищающим их от всех грехов. Одним словом, приписывали сему слабому старику все свойства благодати и дары, Божественному нашему Спасителю Иисусу Христу принадлежащие. Старик сей в монастырском уединении, лишенный средств соблазнять других, может еще употребить последние дни жизни своей на покаяние. Отныне никто не должен отваживаться скопить кого бы то ни было. Соблазняющие других к вступлению в скопчество подвергнутся строгому взысканию от гражданского правительства, как вредные в обществе люди». По словам современников, мера эта хотя и не имела особого эффекта в борьбе со скопчеством, но пресекла соблазнение в секту новых последователей.

Удивительно сочетались с взглядами мистиков XIX века идеи секты духоборцев, также отвергавших таинства и обряды православной церкви. Источником вероучения они провозглашали «Животную книгу», даруемую во внутренних откровениях членам секты самим Иисусом Христом. Каждый духобор являлся носителем этого тайного знания во всей полноте. «Животной книгой» обладали только все члены секты вместе взятые. Это учение они противопоставляли Библии, на их взгляд состоявшей из мертвых букв. С воцарением Александра I притеснения этой секты также были прекращены. В указе от 21 февраля 1803 года в селения духоборов направлялись священники для обращения сих на путь истинный, однако им было запрещено чинить насилие над совестью сектантов. Император писал тамбовскому гражданскому губернатору: «Я считаю нужным, впрочем, вам приметить, что доколе не обнаружено будет в духоборах явного неповиновения установленной власти, доколе не можно по единому смыслу их ересей судить и обвинять их в сем преступлении, но должно оставить их спокойными во внутреннем их исповедании, воспрещать только явные соблазны, подвергая их за то суду по законам». В 1804 году, для разделения с православными, общинам духоборцев было предложено переселиться в степи Таврической губернии, в место под названием Молочные Воды. Переселенцам выделялось по пятнадцать десятин земли на душу и освобождение от податей на пять лет. Многие сектантские общины немедленно воспользовались этой возможностью. Переселение продолжалось в течение всего царствования. 13 декабря 1820 года был издан очередной указ «О переселении сосланных некогда в Финляндию духоборцев на Молочные Воды в Таврию, и именовать впредь таких духоборцев

просто Мелитопольские поселенцы». 8 января 1820 года был издан указ «О не освобождении духоборцев от государственных обязанностей, не принуждая их к принесению присяги». Это также было послабление со стороны правительства. Хотя духоборцев и забирали в солдаты, но при отказе их принести присягу по религиозным соображениям им предписывалось присягнуть, как могут, либо просто зачитать обязанности солдата и предупредить об ответственности за их нарушение. При Александре I этим поселенцам никаких препятствий не чинилось, позднее, когда секта была отнесена к наиболее вредным, духоборы были выселены на Кавказ.

Отношение правительства к старообрядцам, однако, не было столь либерально, хотя и им даровались новые свободы. Когда, после Собора 1667 года, осудившего раскол, старообрядцы остались без епископов, среди староверов образовалось два направления. Первая группа — беспоповцы, из бежавших в Сибирь, за неимением священников избирала из своего числа лиц светских для ведения службы. Они объясняли это тем, что близится время антихриста и священники официальной церкви уже осквернены его влиянием. Их обряды были сильно упрощены. Вторая группа, в которой находились священники старого рукоположения и монахи Соловецкого монастыря, решила принимать попов нового рукоположения, «возлюбивших старину». Однако и они вынуждены были вскоре обходиться без священников, объясняя эту необходимость тем же, что и беспоповцы. Позднее эти две группы подверглись еще большему дроблению. Александр I в первые годы царствования стремился упорядочить даже церковный раскол. 27 октября 1800 года Св. Синоду был дан указ «О дозволении старообрядцам строить свои церкви». Им предписывалось: «Священники старообрядческие во всех служениях приносят моление о высочайшем здравии и благоденствии его императорского величества, супруги его императорского величества, наследника его, всей высочайшей фамилии, и прочих, кто следует по данной от Св. Синода форме». В 1820 году было разрешено допускать раскольников к общественным должностям, если не будет подходящих лиц господствующего вероисповедания. В 1822 году раскольникам было разрешено иметь в своих общинах открыто беглых попов. Однако правительство боялось затронуть чувства православной церкви, очень щепетильной в этом вопросе. В 1824 году издан указ, по которому вторично впавшие в раскол мужчины отдавались в солдаты, а женщины ссылались в Сибирь. А в 1825 году была создана секретная комиссия по делам раскола.

Либерализм правительства Александра I в религиозных вопросах не только создавал в России почву для сектантов, но и порождал новые религиозные направления. К таковым относилась созданная на Дону

в 1822 году секта есаула Евлампия Никифоровича Котельникова. Он, в 1817 году привлеченный к суду за оскорбление священника, обиделся на православную церковь. Пропаганда Библейского общества и сочинения модных в России авторов подвигли его на создание нового учения. Есаул пророчествовал о скорой кончине мира, называя православную церковь «Вавилонской блудницей», а себя предтечей Христа, антиправославные книги считал священными и пророческими. Суть своего учения он сформулировал в книге «Начатки с Богом острого серпа». Е. Н. Котельников собирал в своей избе кружок, к которому помимо его семьи принадлежали около тринадцати человек. Там они проводили импровизированные богослужения, по примеру апостолов преломляя хлеб. Первое следствие, начатое о секте, дойдя до А. Н. Голицына, закончилось благополучно. Но осенью 1824 года его приказано было доставить в Петербург, где дело разбиралось А. А. Аракчеевым, А. С. Шишковым, митрополитом Серафимом и архимандритом Фотием. Есаул раскаялся, но в 1825 году вновь начал писать письма различным лицам с пропагандой своего учения. Вместе с дочерью он вновь был доставлен в Петербург и заключен сперва в Юрьев монастырь, а затем в Шлиссельбургскую крепость, откуда был отправлен в Соловецкий монастырь, где через несколько лет и скончался, вполне раскаявшись.

Среди религиозных объединений, существовавших в царствование Александра I, известны в высшем свете были союз г. Крюденер и община А. П. Дубровицкого. Они носили протестантский характер, не имели большого числа последователей и прекратили свое существование в 1823 году. Последователи г. Крюденер отбыли из столицы в Крым, чтобы создать там свою общину. Дубровин был арестован и сослан в монастырь.

<...> Политика правительства по отношению к обществам, сектам и религиозным объединениям была различна на протяжении всего царствования. Она формировалась по мере развития религиозных взглядов императора. К моменту создания Священного союза Александр I стал сторонником веротерпимости. В этот период в России были дозволены даже секты самого крайнего направления. Со сменой внешнеполитических приоритетов политический режим ужесточился. Были изгнаны из России иезуиты и запрещены масонские ложи и тайные общества. К концу царствования резко отрицательным стало отношение императора к нехристианским образованиям и раскольникам. Однако период с 1812 года до 1820-х годов был в России золотым веком всех «неформальных объединений». Религиозный либерализм способствовал отходу от господствующей церкви некоторого числа ее паствы.

<...> После войны 1812 года Александр I не уделял много времени событиям внутривластной жизни России; он был озабочен переустройством Европы. Началась «Эпоха конгрессов». Однако и теперь император не изменял своим душевным пристрастиям. В 1814 году в Лондоне, он встретился с лидерами английского Библейского общества. В 1815 году фрейлина А. С. Стурдза, состоявшая в свите императрицы, сопровождавшей мужа в заграничном походе, по пути из Голштинии устроила царю встречу с известным мистиком Юнгом-Штиллингом. Тогда же состоялось знакомство императора с госпожой Крюденер (Варвара Юлия Фитингоф). Биография ее такова — родилась в 1764 году в Риге, в 1782 году вышла замуж за барона Крюденера, русского дипломата. Овдовев в 1802 году, осталась жить в Лозанне, прославившись легкостью поведения и написав несколько романов. В зрелом возрасте впала в мистическое и страстное благочестие. Свою проповедническую деятельность она начала в Бадена, где предсказывала великие события и перевороты в 1816 году. В письме от 22 октября 1814 года В. Ю. Крюденер писала А. Н. Голицыну о своем желании лично встретиться с Александром I: «Вам хотелось бы говорить мне о стольких великих и глубоких душевных качествах императора. Мне кажется, я уже многое знаю о нем; я давно знаю, что Господь доставит мне радость видеть его... Я имею множество вещей сказать ему, так как я много испытала по поводу его». Царя заинтересовали эти пророчества, и он согласился на встречу. Будучи представлена 4 июня 1815 года Александру I, она приветствовала его как ангела, избранного для выполнения на земле воли Всевышнего. Идеи госпожи Крюденер совпали с религиозными взглядами императора. И он пригласил ее в Париж, где часто беседовал и советовался с ней по поводу неясных мест в мистической литературе.

После того как Франция была усмирена, а «корсиканское чудовище» заперто на острове Св. Елены, союзные державы в жесткой дипломатической борьбе начали отстаивать собственные интересы. Александр I, лично блиставший на дипломатическом поприще, вскоре столкнулся с тем, что Россия стала главным противником союзных держав. 3 января 1815 года в Вене между Австрией, Великобританией и Францией был заключен «Секретный трактат об оборонительном союзе» против России и Пруссии. Император, раздраженный коварством политиков, решил объединить Европу в Священном союзе христианских правителей, что вполне соответствовало религиозным настроениям царя и его окружения на тот момент. Союз правителей, представлявших три господствовавшие в Европе христианские церкви, должен был символизировать их родство и единство, что вслед за союзом светским давало возможность надеяться и на духовный союз.

14 сентября 1815 года был подписан «Трактат Братского христианского союза» между императорами российским, австрийским и прусским. Этот документ состоял из трех частей и введения, в котором содержался призыв к союзу христианских вероисповеданий: «Во имя Пресвятой и Неделимой Троицы, почитать всем себя как бы членами единого народа христианского. Руководясь в управлении заповедями любви, правды и мира, внушаемыми вечными законами Бога Спасителя». Далее провозглашались: 1) военный союз и взаимопомощь, 2) основа политической и внутренней жизни государств — заветы Христа, 3) право присоединяться к союзу всем признающим его цели. В 1816 году к союзу в той же форме присоединились все европейские государства, кроме Рима и Англии. Его королевское величество принц-регент Великобритании и Ирландии в письме от 24 сентября 1815 года к Александру I писал: «Признаю святость правил, ими провозглашенных, и буду со своей стороны всеми силами способствовать распространению спасительных идей христианской религии». Присоединиться к союзу формально принцу не позволяла английская конституция. Рим не присоединился по соображениям религиозным, не находя возможным войти в союз с протестантами. В декабре 1816 года Александр I отправил папе гневное послание: «Как бы то ни было с общей точки зрения, но справедливость требует утверждать, без всякого вмешательства, что государь римского государства своим отказом подал странный пример. Акт союза столь сообразен с духом и учением религии, и притом столь умеренный, что ни мало не затрагивает, даже косвенно, притязаний Римского престола на духовную власть, — такой акт не содержит в себе ничего оправдывающего его отказ. Еще более папа, отказываясь от него, ставит себя в затруднение выбирать одно из двух: или объявить, что основной догмат религии о Боге-Спасителе в его глазах гораздо ниже того догмата, которым он думает подтверждать свои права, или провозгласить оба их как бы единым догматом и, следовательно, уподобить христианских государей, не зависящих от его верховной власти, государям, погруженным во мрак язычества. Первое из этих утверждений по существу не может быть явно высказано; второе уничтожает все гарантии светской власти римского папы, потому что он низвергает все добрые отношения, существующие между этим престолом и Россией, Пруссией, Швецией, всей Северной Германией и прочими». Дипломатический конфликт такого рода явился логическим финалом борьбы между российским императором и папой за главенство в христианском мире. Отношения между Римом и Россией в царствование Александра I были очень непростыми. 27 апреля 1801 года папа Пий VII³¹, поздравляя российского императора со вступлением на престол, просил его о помощи по воз-

вращению земель, отнятых революционной Францией. Действительно, в первые годы правления российский император благожелательно относился к римскому престолу. В 1801 году высшим органом управления католической церковью в России (позднее и в Польше) стала римско-католическая Духовная коллегия в Петербурге. Могилевский архиепископ являлся митрополитом всех российских католических церквей. В Риме было учреждено постоянное посольство, граф Кассини, живший в Риме в качестве генерального консула, был назначен поверенным при папском дворе. Посланником в России стал аббат Бенвенути³². Позднее, когда Александр I начал брать под контроль духовную сферу, он столкнулся с вмешательством Рима во внутренние дела российских католиков, что привело в 1804 году к разрыву дипломатических отношений в связи с отказом Рима предоставить большую автономность католической церкви в России и выдачи римским правительством Франции одного роялиста, состоящего на русской службе. 10 августа 1804 года издан указ митрополиту Римско-католическому российских церквей «О предоставлении ему всех прав и преимуществ, от папы Пия VII дарованных», предписывающий также прервать все сношения с римским двором. После ареста папы в 1809 году Наполеоном в Фонтенбло вообще стали невозможны какие либо сношения с Римом. Попытка ввести государственный контроль над жизнью русских католиков посредством созданного в 1810 году Главного управления иностранных исповеданий во главе с А. Н. Голицыным успеха не принесла. После возвращения папы в Рим в 1814 году дипломатические отношения с Россией были восстановлены. Посланником в Риме был назначен барон Тюйль. Однако надежды русского правительства на то, что папский престол станет более сговорчивым, не оправдались. Просьба России о присвоении главе католической церкви митрополиту Сестренцевичу-Богущу³³ особых прав по отправлению культа вновь осталась без ответа. Министерство иностранных дел, не придававшее значения этим переговорам, при первых возражениях оставило дело. В 1817 году переговоры возобновились и без успеха велись три года. Вторым важным пунктом расхождений России с Римом стал вопрос объединения христианских церквей. По прибытии барона Тюйля в Рим кардинал Делла Сомагила, влиятельный член святейшей коллегии, стал говорить о соединении двух церквей, сильно желаемого папой. Однако вскоре выяснилось, что представления Рима и Александра I об объединении церквей весьма различны, каждый из них представлял себе слияние как подчинение одной церкви другой с признанием всех ее особенностей. Проблема объединения католической и православной церквей серьезно интересовала русского императора. Существует до-

кладная записка императрице Елизавете Алексеевне от А. Н. Голицына «О различиях Греко-Российской и Римско-Католической Церквей в отношении к догматам, таинствам и обрядам». В ее введении князь перечислил причины разделения церквей и далее приложил мнения наиболее компетентных богословов того времени Феофилакта, Филарета и Мефодия по этим вопросам. Любопытно, что в своем обосновании А. Н. Голицын акцентирует внимание лишь на политических причинах раскола. Он считает, что во главе угла находилась личная неприязнь и амбиции римского папы и греческого патриарха Фотия. Князь низводит до минимума догматические противоречия, создавая тем самым иллюзию того, что объединение церквей дело лишь доброй воли противоположных сторон: «И одно сие слово первоначально, может быть, без всякого умысла в Символе веры прибавленное, сделалось почти неодолимой преградой, и доселе разделяющею Западную церковь от Восточной». В то же время сочинение князя было острым памфлетом, направленным против Рима: «Главной причиной распрей между римским и греческим патриархами, следовательно, и разделение сих церквей было неограниченное властолюбие римских епископов и желание их подчинить ведомству Римского престола и самые отдаленные церкви». Архимандрит Филарет также выступил в своем объяснении с острой критикой католицизма на основании отрывков из Священного Писания. Феофилакт и Мефодий указывали на то, что Библия является единственным источником веры, и любой читающий может его разуметь, в то время как католикам разрешено читать Библию только на латинском языке и под руководством священника. Причину разделения церквей они находили в личной вражде патриарха Фотия и папы. Писавшие эту докладную записку, несомненно, выполняли политический заказ правительства. Об этом писал в своих записках А. С. Стурдза: «Молодому архимандриту Филарету задали наскоро урок написать тотчас опровержение латинских притязаний и догматов».

Кроме несогласия русского и римского двора по вопросам объединения церквей, существовал ряд неразрешимых противоречий, главным из которых было отношение католиков к Библейскому обществу. Католики признавали только определенный латинский перевод Библии (Вульгата), причем Тридентский собор запрещал читать и его без руководства священника. Однако в XIX веке этот запрет ставился под сомнение даже самим католическим духовенством: «Употребление Библии не было никогда прямо воспрещено католикам. Собор Тридентский постановил токмо: “Без разбора читать Священное Писание воспрещается. Но и воспрещение таковое не было никогда признаваемо всем римско-католическим духовен-

ством за обязательное»», — писал католический священник Швабии к члену Великобританского Библейского общества в 1804 году. Таким образом, деятельность Библейских обществ по распространению Священного Писания на национальных языках, в том числе среди католиков, категорически отвергалась официальным Римом: «Напрасно римский престол, бывший в разладе с нашим правительством, громил выговорами и угрозами митрополита Сестренцевича за его участие в Библейском обществе; правительство наше горячо вступилось за ученого и гибкого старца, угрождавшего образу мыслей, в то время господствовавшему. Я служил тогда по дипломатической части при кабинете императора, мне доводилось вести переписку с римским двором и защищать Сестренцевича против улик кардинала Конзальви», — писал А. С. Стурдза. Российские иезуиты и католики, непосредственно связанные с Римом, также негодовали. Сардинский посланник в России граф Иосиф де Местр, рьяный сторонник папы, писал князю П. Б. Козловскому, посланнику при Сардинском дворе: «Преподавание у вас идет наыворот: еще не доведя до знания, оно уже служит к развращению, и зло это проистекает главнейше оттого, что ваши государственные люди не хотят видеть никакой опасности в протестантстве». Патер Баландре в петербургской церкви Св. Екатерины в 1815 году публично пропагандировал превосходство латинского вероисповедания, понося все остальные. По этому поводу А. Н. Голицын писал митрополиту Сестренцевичу: «Некоторые места этой проповеди противны не только духу любви и мира, который должен одушевлять всякое истинное христианское учение, но и в особенности тем правилам, которые правительство искони наблюдало в отношении терпимости всех христианских церквей в России...» Участились случаи соращения в католичество лиц православного вероисповедания, среди которых оказался и племянник самого А. Н. Голицына, князь А. Ф. Голицын. Все это наряду с отказом Рима идти на уступки предложениям Александра I вынудило русское правительство принять решение о высылке иезуитов из обеих столиц 16 декабря 1815 года.

Из соображений политических Екатерина II не опубликовала в России эдикт папы о роспуске ордена иезуитов в 1773 году. С принятием Павлом Петровичем звания гроссмейстера Мальтийского ордена увеличился приток иезуитов в Россию, где они занимались активной пропагандой католицизма. Целые приходы стали отпадать от православия. 7 марта 1801 года, по просьбе Павла Петровича, папа издал буллу, восстанавливавшую орден иезуитов в России. Александр I одобрил буллу с условием, что иезуиты будут воздерживаться от пропаганды католицизма. Российское правительство рассчитывало найти в лице иезуитов пропагандистов европейского просвещения. Внимание ордену

оказывал глава духовной жизни России А. Н. Голицын, генерал ордена Березовский писал ему в 1803 году: «То, что сделали вы для нас, то запечатлено и останется навсегда в сердце каждого иезуита». 3 апреля 1812 года по предложению А. Н. Голицына в Комитете министров рассматривалась просьба иезуитов впускать в Россию всех нужных им иностранцев без одобрения русских посланников и консулов, но оно не было утверждено императором. Также не было принято предложение К. Кочубея разрешить пропаганду иезуитам среди магометан и язычников. В 1814 году в Полоцке была обнародована булла папы о восстановлении Ордена иезуитов. С переменой взглядов императора на орден изменилось отношение к нему и А. Н. Голицына, он стал одним из главных авторов указа о выдворении иезуитов из России. 20 декабря 1815 года объявлен указ «О высылке всех иезуитского ордена монахов из Петербурга и запрещении им въезда в обе столицы, приведении католической церкви Петербурга в то положение, в каком она до 1800 года пребывала». Его текст объяснял официальные причины высылки иезуитов: «Они начали сделанную им доверенность употреблять во зло: стали порученных им юношей и некоторые лица из слабейшего женского пола отвлекать от нашего и прельщать в свое вероисповедание». В тот же день были даны указы: митрополиту Сестренцевичу «О определении в петербургскую приходскую церковь на место иезуитов монахов других орденов»; министру народного просвещения графу А. К. Разумовскому «О закрытии в Петербурге училища иезуитов»; министру полиции «О принятии в его смотрение состоявшие под управлением иезуитов дома и училища». Иезуиты были высланы из обеих столиц, их главное училище в Петербурге закрыто, в остальные учебные заведения могли приниматься только католики. Однако Александр I рассчитывал, что Рим пойдет на уступки, и не хотел полного разрыва отношений, поэтому высылка иезуитов состоялась в два этапа. Это дало им возможность продать ценности и имущество в провинции и переправить деньги за рубеж. Кроме того, императора страшило негодование католиков в самой столице. Об этом свидетельствует указ от 25 декабря 1815 года, данный через А. Н. Голицына митрополиту Сестренцевичу «О подтверждении римско-католическим священникам, чтобы они ни тайно, ни явно не дерзнули внушать не только господствующего, но и других христианских исповеданий правил, противных государственным узаконениям».

Таким образом, указу 13 марта 1820 года о высылке иезуитов из России предшествовала серьезная подготовка. «Князь Голицын вошел с докладом к государю о необходимости этой строгой меры, которую он оправдывал исторической запиской, написанной А. И. Тургеневым. Надлежало оправдать изгнание иезуитов и во мне-

нии римского двора, с которым мы и без того худо ладили. Государь, по обыкновению, возложил этот труд на одного из своих статс-секретарей, а тот отправил ко мне фельдъегеря, с наказом переложить, переодеть и дополнить означенную записку для отправления в Рим». Автору этих строк А. С. Стурдзе было поручено составить отповедь Риму, и он написал «Клич в защиту Восточной церкви против Рима», последняя часть которого, впрочем, была посвящена возможному в будущем соединению христианских церквей. Доклад А. Н. Голицына был сразу переведен на немецкий и французский языки, в нем по поводу высылки иезуитов следовали следующие гневные строки: «Узаконениями Российской Империи издавна было запрещено иезуитам иметь пребывание в России. Но, не взирая на сие, они находили способ проникать в пределы ее под различными видами... Иезуитов, как забывших священный долг, не только благодарности, но и подданнической присяги, и поэтому недостойных пользоваться покровительством российских законов, выслать под присмотром полиции за пределы государства и впредь ни под каким видом и наименованием не впускать в Россию». В 1820 году была также упразднена Полоцкая академия иезуитов и подведомственные ей училища с конфискацией движимого и недвижимого имущества с последующим его употреблением в пользу римско-католического духовенства на богоугодные предметы.

Этот серьезный дипломатический шаг со стороны российского правительства был в первую очередь вызван гонениями, начатыми в Европе католическим духовенством против Библейских обществ. Вслед за выходом в 1816 году папской буллы о запрещении католикам участвовать в Библейских обществах, католические страны Европы приняли полицейские меры к их членам. Королевский главный комиссар Дюренберга писал в полицейский комиссариат города Ансбаха: «Образование некоторых товариществ, для особых Библейских в Баварии обществ в связи с иностранными обществами сего рода, вовсе не должно существовать в нашем королевстве. Что касается до католиков, то мы вовсе не желаем чинить тому препятствий, если в самом деле почувствуют они дотоле невиданную необходимость в новом распространении Священного Писания, но токмо воспрещаем мы в сем отношении сообществу частным отдельным лицам нашего государства с иностранными подданными сообществовать». Библии, пересылаемые отделениями Общества в различных католических странах, изымались полицией и сжигались. Многие члены Обществ были вынуждены бежать или высланы, в том числе в Россию. Об этих гонениях 21 апреля 1817 года писал купец города Альтоны Гильберт фон дер Сммессен к Гендерсену — члену английского Библейского общества: «И ежели когда-либо ухищрения изуверствующего папезества или

безумствующие и крамольные ложные мудрствования протестантизма кои приличнее называть должно неверием, вынудят богобоязненных людей покинуть отечества свои, их примет Россия. Друзья наши в Баварии, среди которых находится пастор Госснер, сей ревностный подвижник христианства, состоят теперь под присмотром полиции». Таким образом, в России собирались элементы, оппозиционные Риму, вынашивая планы борьбы за свои свободы. Веймарская газета 20 июля 1817 года писала об этих планах: «Неудовольство немецкого духовенства на римское правительство более и более возрастает, и во многих частях Южной Германии достигло до того, что угрожает совершенно истребить влияние сего правительства в немецких церковных делах. В некоторых местах, как слышно, сделано предложение присоединиться к Греческой церкви и нужным для Германии епископам, в коих Рим отказывает предоставлять посвященным быть от патриарха Петербургского». Автор статьи пишет далее о расколе в католицизме и необходимости избрать собственного патриарха из врагов Рима. Полная поддержка российскими властями этих настроений толкала недовольных обращаться прямо к царю. К таким посланиям относится письмо некоего Давида Остина (город Норвиль, США) к Александру I: «Если у тебя положено на сердце, чтобы испровергнуть Рим, новейший Вавилон, да исполнится сие, но с таким милосердием, чтобы одна форма правительства была только переменена. Возведи там на престол мужа по сердцу твоему и в духе твоём, такого, который боялся бы Бога небесного и владычествовал по Его правым и всехвальным судьбам. Если князь Голицын благоугоден вашей милости, то не замедли посадить его на престол Италии». До таких пределов простирались планы противников папского престола.

Такое активное выступление римского двора против Библейских обществ объясняется, в том числе и тем, что в этот период члены их взялись за перевод Библии на русский и польский языки. Организаторы Библейского общества в России изначально планировали заняться переводом Библии на простонародный язык. Д. П. Рунич писал по этому поводу: «Князь предполагал, что Библия делается доступной всем, если она будет переведена на русский разговорный язык, и рассчитывал, что продажа экземпляров, напечатанных на средства общества, покроет сделанные на сей предмет затраты». Однако на первых порах деятельности Общества мысль о русском переводе открыто не высказывалась, в манифесте об открытии Общества ничего не говорилось о русском переводе, оставляя в этом вопросе свободу членам Общества. В уставе Общества как раз имелись места, дававшие возможность предположить вероятность в будущем такого перевода: «Не далек уже покажется тот день, когда каждый

отдельный род в целом человечестве будет на собственном природном языке читать слова Живота Вечного».

Начать перевод в 1815 году повелел сам император, когда, по возвращении его в Россию, А. Н. Голицын подал отчет о деятельности Общества, преподнеся по одному экземпляру Библии из переведенных на различные языки. Император выразил свое благоволение к деятельности Общества и повелел передать Св. Синоду его желание доставить россиянам Священное Писание на их природном языке и повелел представить ему мнение духовенства на сей счет. Князь передал Св. Синоду волю императора 28 февраля 1816 года. 8 марта 1816 года в докладе Св. Синоду А. Н. Голицын говорил: «Его императорское величество как внутренним божественным достоинством Св. Писания так и самим опытом убежден в полезности чтения оною людьми всякого звания для пребывания в благочестии и благонравии, на коих зиждется истинное благо людей и народов». Мнение духовенства было составлено и доложено императору 11 марта, результатом чего стало предложение Св. Синоду, переданное А. Н. Голицыным: «Его императорское величество усмотрел из доклада моего, что переложение Св. Писания с древне-славянского на ново-российское наречие можно, по мнению Св. Синода, поручить распоряжению Комиссии духовных училищ, от которой зависеть будет избрать способных людей к столь важному труду, а печатание предоставить Российскому библейскому обществу, на тех правилах, как в определении Св. Синода от 28 февраля изъяснено». Общее составление правил перевода было предоставлено для разработки Комиссии духовных училищ и Петербургской духовной академии, решивших поручить перевод ректору Духовной академии архимандриту Филарету. 16 марта 1816 года были составлены правила, которыми должны были руководствоваться переводчики: «1. Для поспешности перевода разделить его на несколько лиц, коих избрание предоставить усмотрению его же архимандрита Филарета; 2. Первые книги дать тем лицам, которые скорее могут окончить перевод оных; 3. Переведенная книга читается сотрудниками, сколько их может собраться, как для усовершенствования перевода, так и для замечания некоторых слов и выражений, дабы перевод одних слов по возможности был один во всех книгах; 4. Приготовленная таким образом книга представляется для окончательного рассмотрения при Библейском обществе» и так далее. Как видно из этих правил, перевод делался в спешке, что не замедлило сказаться на его качестве. Первоначальный перевод был разделен между священником Г. П. Павским³⁴ (Евангелие от Матфея), архимандритом Поликарпом (Евангелие от Марка), архимандритом Моисеем (Евангелие от Луки), архимандритом Филаретом (Евангелие от Иоанна). По совершении и пересмотре перевода в акаде-

мии он вносился в особый комитет, организованный при Библейском обществе, который, согласно мнению Св. Синода, должен был состоять только из духовных особ, что впоследствии было нарушено, поскольку туда вошли А. Н. Голицын и А. Ф. Лабзин.

К 1822 году Филаретом и Г. П. Павским были переведены Новый завет и Псалтырь. Перевод Ветхого Завета было решено разделить между тремя духовными академиями: Петербургской, Московской и Киевской. Все переводчики были преподавателями еврейского языка, что также наложило определенный отпечаток на перевод. При выходе в свет первых экземпляров М. М. Сперанский писал своей дочери: «Сегодня, во время обыкновенного моего чтения, вместо греческого моего завета, мне вздумалось читать Евангелие в новом русском переводе. Какая разность, какая слабость в сравнение со славянским! Может быть, и тут действует привычка, но мне кажется — все не так и не на своем месте, хотя внутренне я убежден, что это все одно и то же, но нет ни той силы, ни того услаждения. Вообще я никогда не смел бы одобрить сего уновления. Знаю, что оно сделано с лучшими намерениями; может быть, для тех, кои не привыкли к славянскому языку, это услуга. Но для чего бы, кажется, не оставить их привыкнуть? Это стоит труда». Это мнение современника, которого никак нельзя обвинить в консерватизме. Гораздо большее негодование проявляли представители православного духовенства и консервативной части общества. В предисловии к первому изданию Нового Завета архимандрит Филарет писал, что славянский язык стал во многом мертвым и уже непонятен и самому духовенству, и настало время заменить в Библии слова, которые вышли из обращения и имеют новый эквивалент. Проследившая историю переводов с момента составления Св. Писания, Филарет замечает, что это необратимый процесс, и еврейский текст сменился греческим и латинским, а затем и славянским переводом. Однако эта аргументация имела и обратную сторону. Славянский текст Св. Писания был составлен святыми Кириллом и Мефодием по вдохновению свыше, новым же переводом руководили лидеры Библейского общества, и признать их перевод для православного духовенства было, все равно что признать равнозначность христианских церквей. Этот естественный для мистически настроенных представителей высшего света постулат выходил за рамки допустимых нововведений для иерархов господствующего в России вероисповедания. Многие представители православного духовенства восторженно приветствовали русский перевод, но существовала не меньшая группа тех, кто его не принимал молча, и тех, кто с ним активно боролся. <...>

